

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

К МЕТОДОЛОГИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

По окончании первой мировой войны перед державами-победительницами встал во всей остроте вопрос об установлении новых политических границ в Европе. Под давлением демократического общественного мнения версальские политики обязались при установлении новых границ придерживаться таких принципов, которые обеспечивали бы самоопределение народов. Это нашло свое выражение в обращении Вудро Вильсона от 11 февраля 1918 г., в котором пункт третий гласил, что «каждое территориальное решение должно быть в интересах того населения, которого оно касается», а в пункте четвертом было указано, что «всем вполне определившимся национальным элементам должно быть предоставлено полное удовлетворение без внесения новых или сохранения старых элементов раздора и антагонизма».¹ Представители европейских малых наций поняли эту декларацию как скорое и радикальное разрешение национальной проблемы и заготовили множество записок, меморандумов и карт с обоснованием своих претензий и пожеланий. В некоторых из указанных меморандумов и карт территориальные притязания доказывались ссылкой на исторические права. К этому виду меморандумов относятся польские претензии. В других меморандумах основной аргументацией были ссылки на национальный состав населения в настоящее время. Такими меморандумами являлись, например, югославские и, частично, литовские. Секретариат Лиги наций также заготовил свои проекты: известно, например, о ряде записок и изданий в Лозанне в 1918 г. под редакцией I. Gabrys'a этнографической карты Европы — необычно большого масштаба (1 : 500 000)². Карта должна была суммировать статистические и этнографические данные о численности и расселении отдельных народов и этнографических групп на территории Европы и тем самым дать возможность руководящим политикам стран-победительниц учесть национальный момент при определении новых государственных границ. Материалы эти, как утверждает Г. Никольсон³, почти не были использованы. Тем не менее большая подготовительная работа национальных делегаций имела свой отклик и нашла отражение как в политической, так и в научной литературе, а частично может быть еще использована и теперь как материал при решении этно-территориальных вопросов послеподоговорного устройства Европы после второй мировой войны.

Версальские политики решали территориальные вопросы в зависимости от экономических, политических и стратегических интересов своей собственной страны,⁴ для широкой же публики давались мотиви-

¹ См. Г. Никольсон, Как делался мир в 1919 г. (Русская версия под общей редакцией И. М. Майского). М., 1945 г., стр. 51.

² I. Gabrys. Carte ethnographique de l'Europe. Lausanne, 1918.

³ Г. Никольсон, Указан. соч., стр. 52—53 и 199.

⁴ См. воспоминания того же Никольсона (Г. Никольсон, Как делался мир в 1919 г.).

ровки, в которых подчеркивались большею частью (как наиболее выигрышные) этнографические моменты — например, в решении по Мемельскому вопросу. В результате такого малопринципиального подхода к разрешению территориальных вопросов, в составе Германии осталось много территорий, заселенных в основном не-немецким населением, Италия наложила руку на ряд славянских земель и Албанию, а Польша превратилась в государство, на большей части территории которого жило не польское, а украинское, белорусское и литовское население.

Парижская конференция не разрешила этно-территориальной проблемы и не внесла никакой здоровой стабильности в национальные взаимоотношения европейских народов. Вся беспринципность версальских решений выявилась позже, когда, пользуясь неурегулированностью национальной проблемы, фашисты стали натравливать малые страны друг на друга. Освободившись после второй мировой войны от фашистского рабства, малые европейские народы пожелали сами устраивать свою судьбу. Наряду с этим широкие слои европейского населения, принадлежащего к составу малых наций, оказались охваченными стремлением к национальному объединению, к национальной консолидации. В Центральной и Юговосточной Европе имеется немало народов, этнографические территории которых разорваны на части искусственно созданными политическими границами. Это создает почву для постоянных территориальных споров, плодит пограничные конфликты. Вопрос о приведении политических границ в большее соответствие с границами этнографическими поэтому очень актуален, ибо без разрешения его невозможен прочный мир. Объединение же разобщенных частей малых народов в национальные государства облегчит более быстрое социальное и культурное развитие малых наций.

В процессе установления новых политических границ в Европе имеются случаи, когда территориальные споры возникают между самими победителями. Разрешить эти споры тем легче, чем полнее будут учтены интересы заинтересованных групп населения и чем демократичнее будет способ определения воли народа. Примером демократического разрешения этно-территориальных вопросов может служить соглашение между Чехословакией и СССР о Закарпатской Украине. И хотя случай такого быстрого и радикального разрешения вопроса о границе остается пока единственным, надо все же полагать, что за ним последуют и другие подобные случаи, и что многочисленные этно-территориальные споры в Центральной и Юговосточной Европе не разрастутся до пределов конфликтов, разрешать которые придется путем вмешательства извне.

Как и после первой мировой войны, в нынешних территориальных спорах европейских государств аргументация, исходящая из исторических прав отдельных народов, нередко противопоставляется аргументации этнографической. При этом сторонники «исторических прав» делают упор на прежние политические границы, сторонники же «этнографического принципа» стараются всячески устранить вопрос о том, когда и каким именно путем представляемый ими народ попал на занимаемую им в настоящее время территорию. Естественно, что эта лишенная научной объективности аргументация не может дать надлежащих результатов. Для того, чтобы устранить возможность одностороннего подхода к решению проблемы, следует прежде всего четко определить, что понимается под этнографической территорией и в зависимости от этого решать, какими методами можно установить границы такой территории.

Этнографы в прошлом мало занимались вопросами территориальными — они изучали материальную и духовную культуру отдельных народов, вопросы же численности или территориального размещения населения не привлекали их внимания. Этно-географы, которые сделали

территориальные вопросы своей специальностью, понимали свою задачу узко, статично. Вопрос о том, как образовалось туземное население, когда современное население появилось на исследуемой территории, был объектом исследований историков, которые занимались проблемами миграции, завоевания, колонизации, т. е. всем тем, что служило исторической предпосылкой формирования населения той или другой страны. Особняком стояли археологи, изучавшие ископаемые древности. Занимались вопросами этно-территориальными, правда, и лингвисты, но тоже достаточно узко. Во всяком случае на рубеже нашего столетия статичный, описательный метод определения этнографических территорий был преобладающим. Опирался этот метод, в основном, на официальную этническую статистику (в тех странах, где она существовала) или на этно-лингвистические исследования. Но уже в то время наметилось научное течение, имевшее представителей и среди археологов, и среди лингвистов, и среди этнографов, которое пыталось объединить исторические, лингвистические и этнографические данные о том или другом народе и о занимаемой им территории. Среди этих ученых нужно на первое место поставить чешского ученого Любора Нидерле, а затем назвать Флоринского, Куршата, Беценбергера, Билленштейна, академика Карского.

Предпосылкой применения комплексного метода является принципиально иной подход к этнографической территории, чем это имеет место у этно-географов. Этнографическая территория — это не просто область, где в настоящее время живет тот или другой народ, — это пространство, исторически и экономически связанное с определенным народом. В это определение составной частью входит понятие о туземном населении. При характеристике этнографической территории нельзя даже представить себе такое положение, когда бы вопрос о туземном населении мог быть снят. Народы, заселявшие определенное пространство в течение многих столетий и даже тысячелетий, не теряют связи с территорией, на которой они сформировались и выросли. Они покидают свои земли только в силу каких-либо чрезвычайных внешних обстоятельств, среди которых наиболее частой причиной оставления обжитой территории бывает агрессия народов-соседей. Длительное, многовековое пребывание народа в определенной местности отражается на его экономике, обычаях, психическом укладе, т. е. сказывается на его материальной и духовной культуре. Но, с другой стороны, и территория меняет свой внешний облик, подвергаясь культурному воздействию населения. Воздвигаемые населением постройки, дорожные сооружения, наконец, методы обработки земли, культурные насаждения и пр. придают всей местности определенный этнический колорит; поэтому, говоря об этнографической территории, можно иметь в виду не только само население, но также те следы культурной деятельности, которые имеются на данной территории.

Можно было бы дать такое определение этнографической территории: это — область, на которой данный народ развился, на которой он обитает (или обитал до недавнего времени) и с которой он длительно и непрерывно связан своей творческой культурной деятельностью.

Что такое определение будет правильным, можно показать на следующем примере. В период первой мировой войны турецкие националисты организовали ряд погромов, направленных против армян. Во время погромов значительная часть армянского населения была вырезана, а остальное население принуждено было выселиться из Турции или принять ислам. В результате турецких зверств район вокруг озера Ван — древнейшей территории армян — оказался лишенным армянского населения; частично он был заселен потом турками, а в значительной части и вовсе обезлюдел. С точки зрения этно-географов, если они

будут опираться на данные турецкой статистики, район этот в настоящее время можно было бы назвать «турецкой этнографической территорией». Но беспристрастный ученый не может согласиться с таким определением — район был и остается армянской этнографической территорией, ибо те два десятилетия, в течение которых турки заселяют район, — ничтожно маленький срок по сравнению с многовековым периодом, когда здесь жили армяне. В настоящее время армяне требуют возврата им их этнографической территории, и это требование нужно выполнить не только по мотивам гуманности, но и в силу бесспорных исторических прав армянского народа.

В этом примере явственно выступает значение исторических прав. Этнографические территории складываются веками, и за это время население настолько свыкается со своей территорией, что начинает считать ее «родной». Отсюда, из сохраняющейся веками и переходящей от поколения к поколению памяти о том, что «родная» земля истаривается связана с судьбами данного народа, возникает представление об исторических правах. Обычно об исторических правах вспоминают в тех случаях, когда возникает территориальный спор, но в таком случае прав будет лишь народ, для которого спорная область истаривается является или являлась этнографической территорией. Отсюда следует, что никакая ссылка на прежние политические границы не может иметь никакого значения, если нельзя доказать, что политические границы того времени соответствовали границам этнографическим. Как известно, польские реакционные круги, отстаивавшие польские «исторические права» на украинские и белорусские земли, упорно ссылались на политические границы Речи Посполитой того периода, когда в состав польского государства входила вся Белоруссия и значительная часть Украины. В подтверждение этих «исторических прав» польские реакционеры приводили выписки из государственных актов, международных договоров и пр. Но подлинные этнографические границы польского народа того времени совершенно не соответствовали политическим границам, и в XVII в. они мало отличались от этнических границ польских племен в начале X в. В примере же с армянским населением турецких провинций исторические права армян подтверждаются прежним, многовековым этнографическим размещением туземного населения спорных территорий.

Поскольку этнографическая территория не только географическая, но и историческая категория, вполне уместно требовать, чтобы при научном исследовании ее применялись основные исторические методы. Наиболее легким способом, к которому обычно прибегают этно-географы при выявлении этнического характера территории, бывает использование данных официальной этнической статистики. В большинстве стран, ведущих такую статистику, учет национальности населения ведется по языковому принципу. Предполагается, что язык — это наиболее яркое и стойкое выражение национальных особенностей. Не говоря уже о том, что такая статистика в большинстве стран тенденциозна и преуменьшает численность населения, принадлежащего к национальным меньшинствам, а в фашистских и полуфашистских странах грубо фальсифицирует действительное положение вещей, языковой принцип не всегда обеспечивает правильное выявление национального состава населения. Существуют большие группы населения и даже целые народы, которые говорят не на своем «родном», а на чужом языке. В качестве классического примера можно привести ирландцев. В некоторых странах, придающих большое значение этнической статистике, возникло стремление расширить круг вопросов, определяющих национальность, и дать возможность самому спрашиваемому ответить, к какой нацио-

нальности он желает себя причислить⁵. Но поскольку характер ответа в таком случае целиком зависит от психологического фактора (национального самосознания), решающее значение имеет внешняя обстановка переписи, т. е. в конечном счете степень демократичности страны. Свободное волеизъявление может превратиться в фикцию в стране, в которой существует национальная или расовая дискриминация и где политические, экономические или религиозные моменты будут отрицательно влиять на ответы опрашиваемого. Можно представить себе, например, во что превратилась бы перепись, включающая вопрос о национальности, в Эгейской Македонии в условиях безудержного фашистского террора греческих монархистов. Но даже и в более «нормальных» условиях, когда опрашиваемый подвергается не столько физическому принуждению, сколько моральному воздействию, как, например, это имело место во время переписи народонаселения в Польше в 1921 г., результаты переписи могут оказаться фантастичными. Польские этно-статистики сами очень хорошо охарактеризовали результаты переписи 1921 г., признав, что «многочисленная группа населения, в то время совершенно чуждая польской национальности, путая национальность с гражданством, ошибочно указала на свою принадлежность к польской национальности»⁶.

Самым большим затруднением, однако, при использовании этнической статистики является то, что она может определить лишь наличное население. Если к моменту опроса часть населения была выселена или поставлена в условия, заставившие ее эмигрировать, или если в силу государственной принадлежности спорной территории в ее пределы попало много пришлого элемента чуждой национальности (чиновники со своими семьями, солдаты, жандармы, торговцы, колонисты и т. д.), правильно определить подлинный этнический характер территории будет затруднительно. На результатах опроса может сказаться и такой, весьма распространенный в бывших районах фашистской оккупации, факт, как массовое истребление населения определенной национальности. Численное соотношение национальных групп вследствие этого получит искаженное выражение, а это исказит и выводы об этническом характере территории.

Вот почему на одной этнической статистике нельзя базироваться при установлении того, чьей этнографической территорией является данный район или область.

Характер этнографической территории нельзя определить без помощи этнографии. В основе каждого такого исследования должны лежать этнографические данные, и поэтому сведения о распространении наиболее важных элементов материальной и духовной культуры, имеющих этнические особенности, совершенно необходимы как для определения характера этнографической территории, так и для установления ее границ. Но что считать «самыми важными элементами»? Как и многие другие гуманитарные науки, этнография начинает изучение отдельных народов с изучения их материальной базы, т. е. в данном случае с элементов материальной культуры. Большинство основных, самых важных проявлений экономической жизни имеет тенденцию утрачивать этническую специфику по мере экономического развития народа — они приобретают интернациональный облик. Как выйти из этой коллизии? Более тщательный анализ процесса развития материальной культуры показывает, что не все ее проявления одинаково быстро теряют национальный облик и что в сфере экономической деятельности человека существуют такие области, которые менее подвержены интернациона-

⁵ К таким странам относится и СССР.

⁶ А. Krysiński. *Ludnosc polska i mniejszosci w Polsce w swietle spisow ludnosci, 1921 i 1931*. Warszawa, 1932.

лизации. К такой области принадлежит внутрихозяйственная деятельность семейных коллективов и весь связанный с этой деятельностью обиход. Своеобразные формы жилища, планировка жилых и подсобных помещений, внутреннее убранство, хозяйственная утварь, кулинария — все это длительно сохраняет этнический колорит. Выявление степени и границ распространения таких проявлений материальной культуры помогает решать этно-территориальные споры. В виде примера можно указать на границы распространения в недавнем прошлом своеобразного типа польской хаты («подценовой хаты») с выступом кровли над сенями, по территории нижнего течения р. Одер. По официальным германским данным население этого района говорило в своем подавляю-

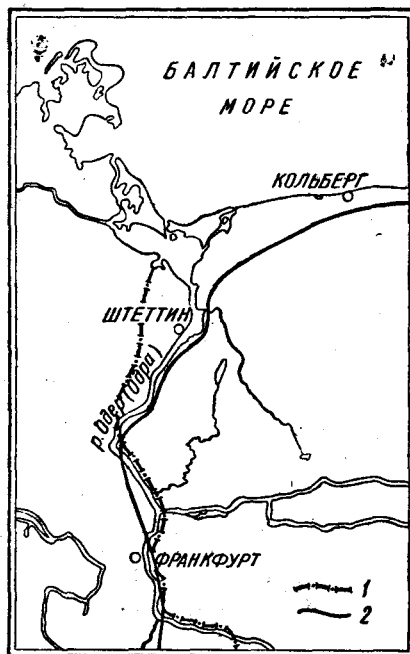

Схема I

1. Западная граница Польского государства X в. 2. Западная граница распространения «подценовой» хаты в XVIII–XIX вв.

щем большинстве по-немецки. Отсюда немецкие этнографы делали вывод, что эта область принадлежит к немецкой этнографической территории. Этнографическое и археологическое обследование района устанавливает, однако, что еще 100—150 лет тому назад сельское население здесь жило в жилищах польского типа, который резко отличается от обычных жилищ немецкого населения. Тип этот, описанный А. Фишером⁷, О. Кольбергом⁸, А. Гакстхаузенем⁹, К. Хенингом¹⁰, К. Раумом¹¹ и др., распространен главным образом в Великопольше; в Померании и Поморье он имеет небольшие отличия, но они так незначительны, что можно говорить о куявско-поморской разновидности польской подценовой хаты. И в настоящее время в пределах указанного района сохранились отдельные строения этого типа, причем западная

⁷ A. Fiszer. *Lud polski*. Lwów — Warszawa — Kraków, 1926.

⁸ O. Kolberg. *Lud, jego zwyczaje, sposob zycia, etc.* Serija III, Kujawy. Warszawa, 1867.

⁹ A. v. Haxthausen. *Die ländliche Verfassung in der Provinz Ost-und Westpreussen*. Königsberg, 1839.

¹⁰ R. Henning. *Das deutsche Haus*. Strassburg, 1882.

¹¹ K. Raum. *Die altslavische Wohnung*. Braunschweig, 1910.

граница распространения подценовой хаты к началу XIX в. почти совпадала с этнографической границей польских земель в IX—X в. (см. схему 1)¹². Так как в том же районе сохранилась своеобразная, типично славянская форма печи, в вышивках преобладает славянский элемент, и он же отмечается во внутреннем убранстве жилых помещений, — можно утверждать, что современное население района (к началу второй мировой войны) было вовсе не немецкого, а славянского происхождения и что еще до начала XIX в. оно сохраняло свои этнические особенности. Окончательное онемечивание произошло, повидимому, сравнительно недавно, не ранее начала XIX в. Этот вывод подтверждают исторические документы и современная топонимика района.

Этнографический метод выявления характера территории можно было бы показать и на других примерах — распространении обычаев, обрядов, поверий, песен. Теоретически все это возможно и осуществимо, но требует почти всегда специальных исследований, так как этнографы накопили большой описательный и аналитический материал о самих этих явлениях, но недостаточно уделили внимания выявлению точных районов и границ их распространения.

Очень много для выявления этнического характера территории дает топонимика района. В этой области существует ряд капитальных работ. Большинство этих работ связано с исследованием географических названий и названий населенных пунктов, причем основным материалом являются памятники письменности. Следовало бы уделить большее внимание такому богатейшему источнику, как современная крупномасштабная карта, на которой имеются названия всех населенных пунктов. При работе же полевой нельзя упустить из вида таблички указателей расстояния на перекрестках шоссе и грунтовых дорог и использовать имеющиеся на этих табличках названия населенных пунктов, как материал для этно-лингвистического анализа. Не менее ценным материалом для определения национального состава населения в данной местности являются списки населенных пунктов, прилагаемые к переписям (цензам). В этих списках нередко помещаются не только официальные названия, но и те названия, которые сохраняются в быту и привычны для местного населения.

Не меньшее значение имеет использование археологических источников, комплексное же использование археологических данных с данными топонимики может дать ценнейшие результаты в смысле этно-географического освещения целого района. Можно привести следующий пример, относящийся к этно-территориальным проблемам Восточной Пруссии.

В литовские притязания после первой мировой войны входило присоединение к Литве Клайпедского края и территории так называемой Малой Литвы, этнографические границы которой определялись на западе рекой Дейме, а на юге, примерно, линией Инстербург — Даркемен — Гольдап. Верховный Совет стран Антанты согласился на присоединение к Литве Клайпедской области, население которой — как сказано было в постановлении Верховного Совета от 16 июня 1919 г. — «и по языку и по происхождению является литовским». Но даже такое весьма скромное, с точки зрения этнографических прав литовцев, исправление немецких государственных границ вызвало в Германии крайне неприязненное отношение и содействовало росту националистических тенденций среди немецкого населения. Отражением этого роста национализма явилось формирование крайне реакционной «кенигсбергской школы» молодых этно-географов, наспех сфабриковавших несколько «исследований», в которых доказывалось, что литов-

¹² Схема составлена по карте Л. И. Василевского «Этнографическая карта Польши».

ские притязания беспочвенны и ненаучны. Карге¹³, Гертруда Мортенсен¹⁴ и др. выступили с заявлением, будто бы спорная территория была заселена в древности вовсе не литовцами, а шалавами, а народ этот сродни пруссам, которые вовсе не литовского племени.

Литовский этнограф и публицист Видунас¹⁵ (Староста) дал литовское освещение вопроса, а В. Вилейшис¹⁶ сгруппировал в своей обстоятельной работе большой научный материал по истории прусско-литовского народа на территории Малой Литвы. Он доказал лингвистическое единство прусского и литовского языков и установил, что названия шалавы, судавы и пр. относились не к особым народам, а что это лишь локальные обозначения литовского населения в определенных районах. Но недоброкачественность научной стряпни кенигсбергских этно-географов разоблачалась теми материалами, которые были опубликованы несколько ранее одним из сторонников «кенигсбергской школы» — немецко-литовским ренегатом Г. Геруллисом¹⁷. Его работы по прусско-литовской топонимике обнаружили, с одной стороны, необычайную близость прусского и литовского языков, а с другой — показали, что в начале и во время захвата Тевтонским орденом Восточной Пруссии южная граница прусско-литовских поселений проходила гораздо южнее линии Инстербург — Даркемен — Гольдап. Правда, позже Геруллис пытался спасти положение своим новым исследованием о языке шалавов, в котором утверждал, что шалавы — пруссы, но значение его первых двух работ для разгрома немецко-прусских теорий было убийственным. В соединении с этно-географическими и лингвистическими работами Ганса Мортенсена¹⁸ — до его националистического грехопадения — и с более ранними исследованиями известного немецкого литуаниста А. Беценбергера¹⁹, топонимическое исследование Восточной Пруссии дало возможность установить разделительный рубеж между собственно литовскими и древнепрусскими поселениями, и этот рубеж пришелся по реке Дейме, т. е. в соответствии с западной границей, намеченной в литовских притязаниях.

Таково было положение с восточнопрусской топонимикой. К данным историко-лингвистическим прибавились данные археологии.

Археологическое изучение территории Малой Литвы сделало особенно большие успехи в последней четверти прошлого столетия. Так как в то время немецкие ученые меньше всего думали о возможности использовать добытые ими материалы для каких-либо территориальных притязаний, выводы их были более объективными. Речь идет, конечно, о руководящей линии среди немецких археологов того времени, потому что отдельные националисты и тогда уже пытались использовать археологический материал для пангерманских теорий. Многочисленные археологические раскопки на территории Восточной Пруссии дали блестящие результаты, обнаружившие необычайную близость ископаемых древностей Малой Литвы с аналогичными древностями на территории Большой Литвы и Виленской области. Официальный источник культуры Восточной Пруссии А. Беттихер, который по специальному заказу

¹³ Karge. Litauerfrage in Ostpreussen, Königsberg, 1925.

¹⁴ G. Mortensen. Beiträge zu der Nationalitäten-und Siedlungsverhältnisse von preuss. Litauer. Berlin, 1927.

¹⁵ Vyduenas. Sieben Hundert Jahre deutsch-litauischer Beziehungen. Tilsit, 1932.

¹⁶ V. Vileisis. Tautiniai santykiai maz. Lietuvoja ligi didžiojo karo. Kaunas, 1935.

¹⁷ G. Gerullis. De Prussicis Sambiensium locorum nominibus. Königsberg-Tilsit, 1912.

Его же, Die altpreussische Ortsnamen. Berlin, 1922.

¹⁸ H. Mortensen. Siedlungsgeographie des Samlandes. Stuttgart, 1923.

¹⁹ A. Bezenberger. Die litauisch-preussische Grenze (Altpreussische Monatschrift, XIX, Heft 7—8). Königsberg, 1882.

прусского ландтага написал многотомную работу о памятниках архитектуры и искусства Восточной Пруссии, дал следующую оценку найденным материалам: «Эта археологическая область дает основание считать ее этнографической областью одного племени — так велико ее отличие от более южных областей. Возможно, что именно здесь была граница между германскими и негерманскими народностями. Бросается в глаза то обстоятельство, что здесь уже в III в. до н. э. выступают такие формы (как, например, цепные подвески с просверленными конечными и средними звеньями, спиральные кольца и пр.), которые позже — с IX по XIII в. н. э. — снова находят у прусско- и летто-литовских народов»²⁰. Беттихер утверждал при этом, что прусско-литов-

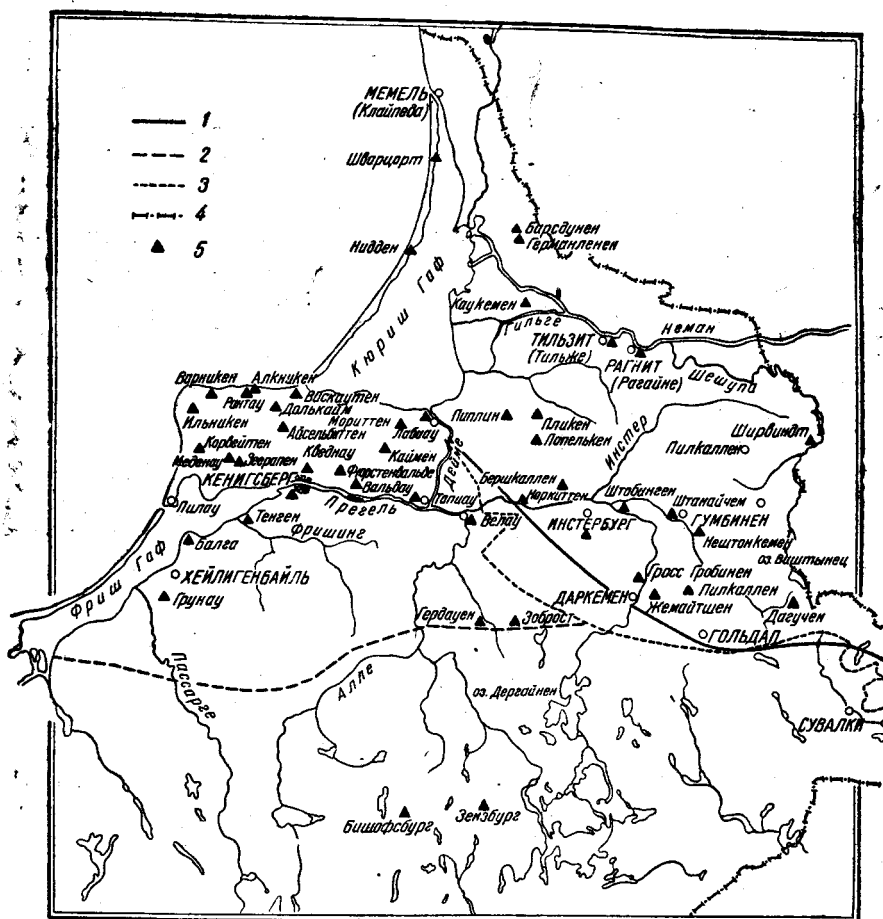

Схема II

1. — южная граница распространения литовского языка (по Labey); 2 — южная граница преобладания древне-прусской топонимики; 3 — юго-западная граница преобладания литовской топонимики; 4 — государственная граница СССР накануне второй мировой войны; 5 — места археологических находок с ископаемыми прусско-литовскими древностями

ские археологические памятники занимают выдающееся место в истории культуры, тем более, что от более ранних мест скопления золы к более поздним массовым полям погребений тянется нить непрерывного развития новых форм.

Местоположение раскопанных древностей на всей территории Малой Литвы находится поблизости от мест теперешних поселений. Это указывает, по свидетельству археологов, на преемственность населения,

²⁰ Bötticher. Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ostpreussen. Heft VIII, SS. 8—9. Königsberg, 1892.

на многовековую длительность и непрерывность его пребывания на данной территории. Современная же крупномасштабная карта (составленная по карте германского Генерального штаба накануне второй мировой войны) обнаруживает, что до 80 процентов населенных пунктов на территории Малой Литвы до сих пор имеет литовские названия.

К материалам археологии и топонимики следует прибавить данные лингвистики о территории распространения литовского языка. Французский лингвист Labey, посетивший Малую Литву в 1905 г., наметил, по данным личных наблюдений, южную границу литовского разговорного языка по линии Лабиау — Инстербург — Даркемен — Гольдап, а несколько позже, в 1918 г., почти ту же языковую литовскую границу (с отклонением несколько к северу в районе Инстербурга) наметило германское военное пропагандистское учреждение, находившееся при штабе 10 армии²¹.

Этнографические обследования данного района делались только немцами и далеки от объективности. Сгруппированные у Тецнера²² и Цвека²³ этно-географические, лингвистические и статистические сведения намечают южную границу современного расселения литовцев в Малой Литве значительно севернее указанных лингвистами пунктов, хотя местоположение некоторых церковных приходов с двойным языком богослужения (немецким и литовским) обнаруживает наличие литовского населения там, где официальная статистика отмечает полное отсутствие литовского элемента. Случайные, не систематические сведения по литовской этнографии, которые сообщают немецкие авторы, показывают существование в различных районах Малой Литвы (в том числе и в наиболее западных, напр., в Лабиауском районе) специфически литовского типа жилого дома и двухэтажной клетки (подсобного помещения) и наличие других этнографических признаков распространения литовской национальной культуры. По официальной германской переписи 1933 г. в районах южнее Немана проживало якобы немного более двух тысяч литовцев — в каком разительном противоречии находятся приведенные выше лингвистические данные с официальной статистикой!

Весь этот комплексно использованный исторический, археологический, лингвистический и этнографический материал (см. схему 2) дает право утверждать, что территория Малой Литвы была издревле и непрерывно литовской этнографической территорией (в более западных районах — прусско-литовской) и что, несмотря на продолжавшийся в течение нескольких столетий процесс принудительной германизации туземного населения, на этой территории вплоть до начала второй мировой войны слышалась литовская речь. Хотя в последние перед войной годы немецкий язык и стал здесь преобладающим, что свидетельствовало о значительном онемечении местных жителей, все же территория эта не превратилась в «немецкую» этнографическую территорию.

Приведенный пример, касающийся Малой Литвы, показывает, как важно комплексное использование смежных с этнографией дисциплин — археологии, лингвистики — для характеристики той или иной этнографической территории. В противовес чисто статистическому, этно-географическому методу примененный метод можно было бы назвать комплексным, историко-этнографическим. Этот метод не отрицает возможности использования этнической статистики, но лишь как вспомогательного материала. Историко-этнографический метод ставит вопрос об этническом характере территории в прямую связь с историческими пра-

²¹ См. Das Litauen Buch, eine Anlese aus der Zeitung der 10 Armee. 1918.

²² F. Tetzner. Die Slaven in Deutschland. Braunschweig, 1902.

²³ A. Zweck. Litauen. Stuttgart, 1898.

вами народов на те территории, на которых они формировались, развивались и на которых длительно обитали или обитают.

Определив этнический характер территории, уже легче перейти к выявлению ее пограничных рубежей, к установлению этнографических границ. Но здесь нужно иметь в виду специфичные особенности подобной границы. Этнографическая граница не может быть установлена так, как граница политическая — путем описания пограничных рубежей и установки пограничных знаков. Всякая этнографическая граница есть условность, большее или меньшее приближение к идеалу. Народы и этнические группы, живущие бок-о-бок веками, воздействуют друг на друга, перенимают чужие навыки и обычаи, заимствуют часто не только мелочи повседневной жизни, но и язык. Кроме того и этнические особенности народов нельзя понимать как что-то врожденное и неизменное. Многие старые обычаи исчезают, другие превращаются в нечто новое, приспосабливаясь к изменившимся условиям. Существует несомненное развитие форм и рождение новых. Некоторые этнографические особенности, бывшие ранее спецификой одного народа, получают широкое распространение и делаются интернациональными — можно, например, указать на интернационализацию употребления табака, чая, кофе, какао, пива и пр. И, наоборот, явления, имеющие распространение у многих народов, у одного из них неожиданно получают такое развитие, настолько входят в быт, что их приходится приравнять к этнографическим особенностям этого народа (напр., развитие конькобежного и лыжного спорта у норвежцев). Этнос есть специфика каждой национальной культуры, и он поэтому динамичен, поскольку всем явлениям национальной культуры присуще развитие (или упадок). По отдельным, специфичным для данной национальной культуры признакам этнография, казалось бы, могла легко устанавливать принадлежность той или иной человеческой группы к определенной нации, народности или этнической группе. Но в действительности это не всегда возможно сделать. Во-первых, известную трудность создают смешанные формы, а, во-вторых, нередко приходится сталкиваться с процессом ассимиляции. Пограничные районы этнографических территорий заполнены, обычно, смешанными и ассимилирующимися группами населения. Иногда это сказывается на смеси различных этнических особенностей во внешнем виде утвари, орудий труда, одежды, заимствовании рецептов кулинарии соседнего народа. В других случаях это отражается в смеси различных обычаев, поверий, танцев, песен. Весьма часто в результате длительного воздействия соседей создается у народа переходный говор, своеобразное наречие, развивающееся позже, как самостоятельная ветвь, отличная и в то же время сходная с языками соседних народов. Переходные этнические группы занимают иногда территории, которые тянутся сплошной полосой на протяжении многих десятков и даже на сотни километров, но могут образовывать и настоящие островки, теряющиеся среди сплошного этнографического массива. Вполне понятно поэтому, что установление рубежей двух этнографических территорий может производиться лишь условно, и этнографическая граница представляет собою сплошь и рядом широкую полосу на территории, заселенную этнически смешанным населением. Смешанность этнических признаков бывает подчас так велика, что становится трудно определить, к какому из пограничных народов стоит ближе эта этническая группа. В таком положении, например, находятся в настоящее время ляхи — этническая группа, живущая на пограничной чешско-польской территории. Вопрос о том, к кому ближе ляхи в национальном отношении — к полякам или чехам и, в связи с этим, должна ли ляшская этнографическая территория входить в состав Польши или Чехословакии — привел к длительному этно-территориальному спору между Поль-

шей и Чехией и не урегулирован до сих пор. В конечном счете этот вопрос, вероятно, будет решен вовсе не по этнографическому принципу, а в зависимости от экономических и политических факторов.

Историко-этнографический метод определения этнографических территорий предполагает специализированный подход при изучении населения сельского и населения городского. В сельских местностях, а также в мелких городках, непосредственно связанных с сельскими районами, население, будучи связано с земельными участками, крайне неохотно меняет место жительства. Даже в тех случаях, когда район является исходным центром постоянной эмиграции населения, земельные участки редко переходят в руки пришлых людей, а остаются большей частью в собственности родственников прежних владельцев. Вследствие этого национальный состав населения сельских районов мало подвержен изменениям — за исключением случаев ассимиляции (естественной или принудительной) и случаев насильственного удаления местного населения с занимаемых им земель. Иное положение создается в крупных промышленных центрах, в портах и больших административных городах. Часть населения крупных городов постоянно меняется, вследствие чего меняется и его национальный состав. Кроме того в больших административных городах значительная часть населения состоит из чиновничества и военщины (вместе с их семьями), а в областях, ставших объектом захвата и колонизации, среди городского населения всегда много пришлого колонизаторского элемента. Устанавливая этнографический характер той или другой территории, нельзя забывать о таких городах, которые в этническом отношении сплошь и рядом оказываются чужеродным телом. Особенно важно это иметь в виду из чисто практических соображений: если область, этнографический характер которой окончательно установлен, войдет, в связи с этим, в состав другого государства, население крупных центров, в особенности центров административных, резко изменится, ибо прежняя национальная администрация (и войско) оттуда уйдет, а новая администрация будет другой национальности.

Эта перспективная постановка вопроса требует, во-первых, чтобы при установлении этнического состава городского населения выделялись элементы туземные и элементы пришлые, а во-вторых, чтобы при этом учитывалось, какая национальность в данном городе имеет в будущем большие перспективы развития. Хорошим примером обоснованного решения вопроса о судьбе города можно считать постановление Верховного Совета стран Антанты от 16 июня 1919 г. в отношении города и порта Мемель (Клейпеда). К моменту этого постановления литовское население в Мемеле составляло немногим более 20%, почти 80% остального населения считало себя немцами. Экономически же и административно Мемель был теснейшим образом связан с Клайпедской областью, заселенной в большинстве литовцами. Верховный Совет признал Мемель составной частью литовской этнографической территории и постановил передать его, вместе с областью, под управление Литвы. Культурные запросы городского населения обеспечивались предоставлением широких прав городскому самоуправлению и обязательством Литовского правительства уважать национальные права немецкого населения. В течение нескольких последующих лет национальный состав городского населения Клайпеды (Мемеля) сильно изменился, и удельный вес литовского населения возрос. Правда, из всего этого дела в конечном счете ничего не вышло, так как немецкие фашисты стали вести подрывную работу среди немецкого населения и в 1939 г. силою захватили город вместе со всей Клайпедской областью; литовские же фашисты-таутиники облегчили гитлеровцам обратный захват Мемеля тем, что за время своего двадцатилетнего управления восстановили

против себя не только немецкое городское население, но и все сельское литовское население области своей провокационной экономической и религиозной политикой. В принципе решение Верховного Совета по мемельскому вопросу было совершенно правильным, и оно может служить прецедентом при разрешении вопроса о судьбе порта и города Триеста.

В задачу этнографии, конечно, не входит намечение практических мероприятий для непосредственного разрешения этно-территориальных вопросов, и она не может ставить перед собой подобных целей. Но этнографы должны дать политикам максимально изученный и научно проверенный материал о характере этнографической территории, о национальном составе, этнических особенностях населения и о районах его географического размещения. Для того, чтобы выполнить эту весьма актуальную и ответственную задачу, советским этнографам нужно взяться вплотную за разработку научной методологии этно-географических исследований.